

Александр Ольбик

Агентурное дело

«Можно порицать ошибки великого человека, но не следует из-за них порицать и самого человека...»

Георг Лихтенберг

«Я ни о ком не буду говорить плохо, но расскажу все хорошее, что знаю о каждом...»

Бенджамин Франклин

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Зрители привычно поворачивали голову, словно по команде — то в одну, то в другую сторону — как будто тренировали шейные мышцы. Но было очевидным, что игра для советского теннисиста складывалась драматично. Не использовав два матч-бола, он, что называется, сливал крепенькому как боровичок задастому чеху. Тот мощными топ-спинами и неожиданными выходами к сетке стал наращивать преимущество. И, видимо, с досады наш спортсмен дважды в сердцах отбрасывал в сторону ракетку, а когда проиграл свою очередную подачу, рухнул на колени, театрально воздев к небу руки, и стал

спорить с судьей. Тот сделал ему замечание. На трибунах раздались одобрительные хлопки, что, в общем-то, тихим теннисным соревнованиям с интеллигентной публикой не свойственно.

Костя Эмерс из местной газеты «Курортник» уже стал укладывать непомерной величины спортивную сумку, когда его окликнули. Это был Черезов, рыхлый, в постоянном подпитии коллега из «Спортивного вестника». Костя, ухватив сумку и перешагнув ряд скамеек, подсел к нему.

— Что скажешь насчет игры? — спросил тот. И не ожидая ответа, продолжил: — Кто, по-твоему, сидит там, на гостевой трибуне?

— Так кто же? — Костя, не вникая особо в слова Черезова, с бездумным удовольствием наблюдал за высоко летящим самолетом, оставляющим белесый след на голубом ситчике неба. Несмотря на жару, великолепие июльского полдня исподволь будоражило душу.

— У нас в гостях... Ермак... Тимофей Николаевич, — заговорщицки произнес Черезов.

— Не может быть! — воскликнул Эмерс.

Костя посмотрел на противоположную трибуну и в ряду «хозяев» города, тренеров, бесчисленных московских гостей углядел Ермака. Узнать было легко — по гладко зачесанным назад черным, словно вороново крыло, волосам, по мощному торсу.

— Да, кажется, это он... А кто рядом?

— Президент теннисной ассоциации, а тот, что слева — помощник Ермака.

— Интересно, что он здесь забыл? — Эмерс потерял нить игры окончательно и невольно стал перебирать в памяти все, известное об Ермаке.

— Во-первых, он здесь на отдыхе, а во-вторых, по неподтвержденным данным, — бо-о-льшой любитель тенниса... Но ты посмотри только, что этот чех вытворяет с нашим... Такое впечатление, будто за Уимблдон рубится.

Черезов закурил и тоже принялся укладывать сумку.

— Между прочим, — сказал он, — предлагаю пари насчет завтрашнего финала...

— Ты кому отдаешь предпочтение — чеху или голландцу?

— Голландец подвернул накануне ногу. Как видишь, я с тобой честен. И все равно ставлю на него — как никак призер нескольких турниров из серии Большого шлема...

— Плевать на призеров, симпатизирую я обычно тому, кто во время игры не устраивает истерик. Мне нравится чех и, думаю, он остановит завтра твоего «летучего голландца»...

— Идет! — Черезов шлепнул рукой по ладони Эмерса. — Может, зайдём в бар, чешским пивком побалуемся?

— Я бы не против, но надо взять интервью у главного тренера нашей сборной.

— Ни черта нового он не скажет: нет даже толковых мячей, плохие отечественные ракетки, мало выездов за рубеж. Лично меня от всего этого уже с души воротит...

Черезов махнул рукой и, поправив на плече ремень баула, стал пробираться к выходу.

Как и ожидалось, матч закончился победой чеха. Разноцветье летних одежд и зонтиков на трибунах ожило. Эмерс бросил взгляд на противоположную гостевую трибуну и увидел, как открылась средняя дверь и в нее прошел Ермак. И все рядом с ним показались пигмеями — настолько был высок этот человек. Да и позы людей, окружавших его, выглядели неестественно застывшими.

Пока Костя шел на выход, на глаза попало несколько «сероглазых мальчиков» из местной службы партийной безопасности (СПБ), внимательно «опекающих» многоликую публику. Впрочем, ничего странного — их присутствие на всех международных встречах обязательно.

Однако Эмерсу показалось, что на сей раз их было куда больше, чем даже на Кубке Дэвиса.

Главного тренера сборной страны Гарищева он отыскал без труда. Тот сидел на лавочке возле корта, беседуя с шефом городского спорткомитета.

Тренер, заметив Эмерса, кивнул и сделал приглашающий жест.

Гарищев — высокий и сухощавый, с не очень выразительным лицом, но с голосом приятного баритонального тембра — улыбнулся:

— Ну что, Константин, бери гитару.

Эмерс извлек из своей необъятной сумки магнитофон.

Интервью пошло как по маслу — эта их встреча стала уже третьей или четвертой, и все, что собирался сказать главный тренер, Эмерсу давным-давно было известно. Но его газета взяла за правило давать теннисной информации больше других изданий, а редактор в этом полностью полагался на своего спецкора, и Костя без особых усилий забивал полосу тем, что на его взгляд могло хоть как-то заинтересовать читателей.

— Скажите, Ермак приехал с вами? — как бы невзначай обронил вопрос Костя.

— Нет, он, конечно, сам по себе...

...Беседа подходила к концу, когда подошел коренастый крепыш лет сорока, одетый явно не по погоде. На нем как влитой сидел темный костюм старомодного покроя, такой же ветхозаветный галстук стягивал воротник белоснежной рубашки. Костя узнал того, кто сидел по левую руку от Ермака, его помощника. Уже в самой фигуре помощника было что-то мощное и надежное.

Короткая шея, покатые широкие плечи — Эмерс мысленно представил его на борцовском ковре. Оканье выдавало волжанина.

— Мы вас, Валерий Ильясевич, ждем вечером в санатории, — обратился помощник Ермака к Гарищеву. — И если нетрудно, прихватите с собой несколько мячиков.

— Нет проблем! Передайте Тимофею Николаевичу, чтобы поменьше пил чая. В прошлый раз с него пот градом катил...

И тут тренер, словно спохватившись, что разболтался, позволил себе вольность, резко повернулся к Эмерсу.

— Знакомьтесь, корреспондент местной газеты, возмутитель взморского спокойствия...

— Геннадий Семенович, — протянул руку помощник. Твердый, властный взгляд из-под мохнатых бровей.

После рукопожатия показалось, что кисть побывала в тисках. У выхода Костю поджидала девица.

— Ну, куда мы сегодня? — она явно демонстрировала свое новое, выше колен одеяние — не то юбку, не то брюки.

— Сначала, Зайга, зайдём в мою контору.

— А я, конечно, как всегда должна торчать в скверике?

— Ты подождешь на лавочке у

рододендронов. И упаси Боже заигрывать с пьяными отдыхающими.

— Ага, и сам не ам и другому не дам... Так, да?

Они пошли напрямиком, через соснячок, обшарпанный гуляющим людом. В этот тихий час никого поблизости не было и они несколько раз приостанавливались, чтобы поцеловаться.

Подходя к шоссе, они услышали сирену и вскоре увидели желтый «икарус» и разворачивающийся возле него милицейский «уазик». Прямо на бровке тротуара сидел парень, уткнувшись лицом в колени, видимо, шофер автобуса.

— Смотри, Кот, там, кажется, человек лежит! — воскликнула Зайга, потянув его за рукав.

Под передним колесом «икаруса» действительно находилось абсолютно обнаженное, вдавленное в землю женское тело. В глаза бросались молодая, с легким загаром рука и неестественно вывернутая ступня.

Эмерс был шокирован.

— Она вот из того окна выскочила, — взволнованно говорил гаишнику мужчина в солнечных очках. Подошла седая женщина и, нервно теребя фартук, заговорила:

— Каждый день пьянки, машины, музыка до утра... Никакого сладу нет...

— Вы видели, как это произошло? — спросил милиционер.

— Сначала я услышала какой-то ненормальный крик. Словно кого-то живьем режут... Потом зазвенело стекло и вот... из окна скакнула в чем мама родила...

Мужчина в солнечных очках добавил в свой черед:

— Я шел по обочине дороги, когда заметил, что сзади приближается автобус. И как раз в тот момент из калитки выскочила голая женщина... Автобус резко затормозил, но, видимо, инерция была слишком велика...

Эмерс, прижав к себе плачущую Зайгу и едва сдерживаясь сам, допытывался у милиционера:

— Лейтенант, неужели этот водила не мог свернуть? Возможно, ее еще можно было спасти...

— Что толку говорить — ей уже не поможешь, — сказали солнечные очки.

Лейтенант подошел к водителю и помог взобраться в автобус. Через несколько мгновений из-под туши «икаруса» выпорхнул сизый дымок. Машина стронулась с места и взору открылось то, что только что было человеком.

Зайга буквально силком потащила Костю от места происшествия.

— Какой ужас! Разве так можно, чтобы всей тяжестью на человека?

— Меня другое интересует — почему это произошло? Что заставило ее, да еще в таком виде, выскочить на дорогу?

— Перепилась, видно, или наркотиков наглоталась, по-моему...

— По-моему, по-моему, — передразнил Костя. Он был разбит, раздражен, и Зайга начинала действовать на нервы. И тем не менее он обнял ее за плечи и прижал к себе.

— Не надо бы тебе на весь этот кошмар смотреть.

Они подошли к редакции — двухэтажному особнячку среди лип и каштанов. Зайга, достав из сумочки пачку сигарет и зажигалку, плюхнулась на лавочку, руки ее дрожали и Костя помог прикурить.

В редакции было пусто, лишь ответственный секретарь Алдис корпел над макетом номера.

— Ты оставил мне место? — спросил Эмерс.

— Целую полосу с фото. Кстати, Круминыш снимает игру?

— Я его не видел, но скорее всего он на кортах, во всяком случае, вчера собирался.

Из своего кабинета Эмерс позвонил в ОВД, в дежурную часть. Нет, в милиции о случившемся пока ничего не знали. Тогда он попросил разузнать подробности знакомого инспектора ГАИ.

Костя принялся перебирать ворох писем, оставленных для него на столе. Одно — самое

короткое и разборчивое — стал читать. Начало было красноречивым: «Неуважаемый господин Эмерс! Надо иметь абсолютно пустую голову, чтобы поддерживать явно националистически окрашенный Народный фронт. Запомни, придет время и ты сам, подлый борзописец, испытаешь на своей шкуре всю прелесть радикал-националистической хунты. Желаю дожить до такой поры, когда тебе самому дадут под зад коленкой твои дружки из Народного фронта и выкинут в Россию».

Подпись: «Кравчук».

Костя повертел письмо в руках и даже зачем-то понюхал: оно, как ни странно, источало легкий аромат незнакомых духов.

Телефонный звонок нарушил редакционную тишину. В трубке раздался голос помощника прокурора города Лиепиньша:

— Константин, вы давно хотели поучаствовать в какой-нибудь операции, связанной... — Последовала пауза, видимо звонивший остерегался по телефону говорить о служебных делах.

— Я вас понял, Элмар Янович, — быстро ответил Эмерс. — Сейчас приеду.

— Можете не спешить, мероприятие начнется в восемнадцать часов... Поезжайте прямо к начальнику угрозыска Каскадову, я обо всем

договорился.

— Прекрасно! Я догадываюсь, о чем речь.

— У меня только к вам, Константин, просьба... Слушайте сотрудников милиции и, ради Бога, не лезьте, как говорят, поперед батьки в пекло.

— Договорились.

Эмерс, конечно, знал, о какой операции шел разговор: не раз просил он прокурора города и начальника милиции разрешить сделать репортаж с места захвата рэкетиров. Однако работники угро его не обнадеживали: рэкет, считали они, пока что, к счастью, не стал каждодневным явлением и, возможно, придется такого случая долго ждать.

Он вышел из редакции и направился в сторону пышного рододендрона. Возле Зайги выламывался какой-то хлюст, а она явно кокетничала.

— Слышь, парень, — обратился Костя, — не знаешь случайно, почему это я не заигрываю с твоей девчонкой?

— Ты о ней? — парень указал сигаретой на Зайгу и нагло ухмыльнулся в пижонские усы. — А я подумал, что это одна из шести твоих дочерей...

Чуть поодаль он устроил ей промывку мозгов.

— Ты жуткий ревнивец и ведешь себя, как собака на сене, — отбивалась Зайга.

Она была стюардессой и открывающиеся ввиду этого возможности для живого воображения

Эмерса приносили ему невыносимые пытки. Не раз под видом командировки он летал ее маршрутами и знал в лицо всех стюардесс, а со многими пилотами не однажды сживал в аэрофлотовском ресторане. Потом Зайга перешла на международную линию и контроль над ней иссяк подчистую. Даже полегчало как-то на душе — с глаз долой...

— Часок-другой свободный есть — куда пойдём? — спросил Костя.

— Сходи лучше женушку свою проведай...

— Сейчас найдем телефонную будку и позвоню ей. Готов передать от тебя привет.

— Как всегда, будешь бессовестно врать: мол, дела, да такие неотложные, ну прямо государственной важности, — Зайга от злости даже на глазах подурнела.

После шашлычной Костя проводил Зайгу на такси, попросив водителя отвезти ее домой.

Впрочем, «домой» звучало слишком сильно — Зайга снимала комнату у спивающейся буфетчицы, что тоже служило серьезным раздражителем...

Без десяти шесть он появился в милиции и поднялся на второй этаж, где разместился уголовный розыск.

Его начальник — бывший «опер», известный тем, что самолично взял вооруженного насильника, на счету которого было 18 задушенных и

зарезанных девчонок. Звали начальника Алимом Каскадовым.

— Честно говоря, не хотелось бы брать тебя на операцию, — сказал он без обиняков. — Насколько известно, стрельба отнюдь не исключена, а я в такой ситуации и за свою безопасность не поручусь, не то что еще за твою целостность и сохранность.

— Я на рожон не полезу, — заверил Костя. — Но репортаж сделать надо, причем достоверный и красивый, сам понимаешь.

— Боюсь, ничего красивого не получится, — вмешался старший оперуполномоченный Соколов. Он вопросительно посмотрел на своего начальника — дескать, как вы думаете, открывать журналисту все карты или обождать?

Но Алим в подсказках не нуждался.

— Суть дела не очень сложна, — он прикурил от газовой зажигалки. — Коллизия заключается в том, что некто вымогает у нашего Маэстро пятьдесят тысяч долларов. В случае отказа грозитя уничтожить концертный рояль, изготовленный специально для него зарубежной фирмой. Вымогатели трижды назначали место встречи. Сначала в электричке, затем велели оставить «дипломат» с деньгами на яхте, а в последний раз следовало «забыть» его в автобусе «Рига — Ленинград».

Все это Маэстро выполнил, но вот «дипломат» так и не был востребован...

— А что они придумали сейчас?

— Композитор с деньгами должен идти по правой стороне своей улицы, вплотную к забору. Это район правительственных дач и частных особнячков. Никто не знает точно, когда и где подадут знак бросать портфель. Причем Маэстро предупредили, чтобы он не вздумал тянуть время. Это и понятно — хотят сыграть на внезапности. И определить наверняка — пасем мы его или нет...

— И если не секрет, как вы думаете их брать?

— А вот это ты сам увидишь на месте, — Каскадов подошел к сейфу и достал пистолет.

— Отлично глядишься, — сказал Костя. — Боюсь, что ваш рэкетир просто обожравшийся крутыми детективами молокосос.

Каскадов прилаживал кобуру под мышкой.

— Не возражал бы, только вот «примерки» эти на любительство не смахивают. Весьма обстоятельная подготовочка.

Эмерс сел в «жигули» вместе с Каскадовым и еще одним сотрудником. Раньше встречать того не доводилось, и Костя подумал, что тот, должно быть, откомандирован из МВД республики. Парень был в пиджаке, сосредоточен, неулыбчив. Во второй машине находился Соколов с двумя помощниками.

Они проехали почти вдоль всей улицы, когда Каскадов указал на идущего впереди человека с «дипломатом», который заметно оттягивал руку.

— Наш клиент явно волнуется, — сказал Алим, — не лицо, а кусок мокрой газеты.

Эмерса удивила походка Маэстро — вялая, ноги, видимо, не слушались. Майка на спине в пятнах пота.

— Жаль Маэстро, — сказал Костя, — идет, словно на закляние... Деньги у него в чемоданчике настоящие или макулатура?

— С деньгами все в порядке... А как бы ты себя вел, если бы шел по четвертому кругу? Вначале он и слышать не хотел об этой акции, грозился даже пожаловаться в министерство культуры.

— И чем ты его урезонил?

— Сказал, что в его положении безнравственно уступать бандитам. Я об этом твержу, а он пальцы разминает, будто за рояль собирается сесть.

Маэстро, дойдя до конца улицы, повернул назад, видимо, изнемогая от нервотрепки. Одна из машин сопровождения — красный «москвич» — остановилась в тени рябин на обочине, вторая медленно двигалась вслед за асфальтовым катком.

— Этот тоже ваш? — кивнув на каток, спросил Алима Эмерс.

— Тут почти все наши... А что, интересно, клиент делает? — Каскадов прильнул к лобовому стеклу.

Костя увидел, как Маэстро, поставив на землю «дипломат», неуклюже завязывал болтающийся шнурок кроссовки.

— Неужели и сегодня пустой номер? — Каскадов полез в карман за сигаретами.

— А может, вас элементарно разыграли?

— Не исключаю и такой возможности... А если все же нет?

— Скорее да, чем нет, — Эмерс продолжал наблюдать за Маэстро. — Не кажется ли тебе, что мы слишком медленно движемся — можно вызвать подозрение.

— Мы сейчас его обгоним и свернем, а нас сменит красный «москвич».

Каскадов хотел объяснить что-то еще, но в это время его внимание привлекла изменившаяся поза Маэстро, который сделал стойку, словно суслик, и завертел во все стороны головой. Он находился у глухого высокого забора, выкрашенного в веселенький голубоватый цвет. За забором, на возвышении, угадывалось за кронами деревьев старинное здание с башенкой-флигельком.

— Ты что-нибудь слышал? — почему-то шепотом спросил Каскадов.

— Нет, движок мешает... Но ты посмотри

только, что наш артист вытворяет.

И тут все сидящие в «жигулях» увидели, как Маэстро, пятидесятилетний с изрядным животиком дядя, подхватив двумя руками чемоданчик, пытался перебросить его через забор. Но это не удалось — то ли от волнения, то ли забор оказался слишком высоким.

Каскадов велел водителю притормозить и подать немного назад, а сам, взяв микрофон, стал подавать команды. Эмерс между тем не спускал глаз с Маэстро. Две попытки отделаться от денег успехом не увенчались. И вдруг пианист отбежал на несколько шагов от забора и, разогнавшись, упал на него всем туловищем. Две доски, обнажив на изломе белую плоть, с треском разлетелись.

Красный «москвич», стремительно набирая скорость, направился прочь. Каскадов и Эмерс наблюдали, как Маэстро протискивал «дипломат» в образовавшуюся брешь в заборе, и удивились его неожиданной прыти. Когда же дело было сделано, Маэстро тяжело разогнулся и, достав из кармана носовой платок, стал протирать стекла очков. На лице явственно обозначилось полное удовлетворение.

— Кажись, клюнули, — громко сказал Каскадов и велел водителю двигаться к ближайшей поперечной улице, что выходит на пляж.

— А что с Маэстро? — поинтересовался

Костя. — Ему, наверное, сейчас не сладко.

— Его возьмет на свое попечение тот парень, что «работает» на катке.

Они резко завернули на поперечную улицу и только в последний момент Эмерс успел увидеть, как невесть откуда взявшиеся омоновцы, облаченные в каски и бронежилеты, ловко перемахнули через забор.

Каскадов уловил взгляд Кости.

— А ты думал, что мы тут в шашечки играем...

— Спецназ?

— Спецназ... — Алим не терпелось как можно быстрее миновать улицу и вырваться к пляжу. По его прикидкам, те, кто овладел деньгами, обязательно будут уходить пляжем, где легко затеряться среди многочисленных отдыхающих.

Но когда они свернули в улочку и преодолели первые десятки метров песчаной дороги, из-за поворота выскочил серебристый «форд» и напористо пошел навстречу. Справа, видимо во дворе дома с флигельком, раздались два выстрела.

— А что я тебе говорил? Стреляют! — Каскадов дотронулся до плеча водителя, — если ты эту вонючую тачку пропустишь, не жди добра.

Костя увидел, что Алим приоткрыл дверцу и расстегнул пиджак.

— Клява, когда остановимся, подстрахуй.

Заглотнули они, наконец, крючок. Тормози! — приказал Каскадов. И Айвару: — Свяжись по рации с Соколовым, пусть пришлет двух омоновцев.

Тот, кого Каскадов назвал Клявой, мгновенно открыл дверцу и, взбивая ногами песок, бросился наперерез «форду». Он приостановился и Каскадов в три прыжка оказался у дверцы и рванул ее на себя. И когда та открылась, Алим мгновенно выдернул ключ зажигания. Айвар, водитель, откуда-то из-под ног выгреб короткоствольный автомат и с окаменевшим лицом стал следить за действиями своих товарищей. Из машины показались две пары длинных девичьих ног, затем лениво выдвинулась кроссовка водителя, с другой же стороны вылез блондинистый крепыш в спортивном костюме.

— Я выйду, — сказал водителю Эмерс. Но тот, покачав головой, взял микрофон, а когда ему ответили, пояснил: «Мы сбоку от вас, у каменной ограды, пришлите двух бойцов...»

Появление омоновцев несколько оживило пейзаж, главной достопримечательностью которого был «форд». Костя открыл дверцу и вылез из машины. Слышно было, как Каскадов выговаривал:

— Надеюсь, у вас есть уважительная причина разъезжать по экологически охраняемой зоне?

— Какая к черту зона?! Я гостей везу из Штатов и объясни им, где тут зона, а где наш

бардак... Лучше уберите с дороги свой «жигуленок».

— Придется повременить, — Алим повысил тон. — Предъявите документы.

В это время из-за глухого каменного забора раздались еще два выстрела и шум набирающего обороты автомобильного мотора. По солнечной стороне бежал Соколов, весь взмокший и злой.

— Какого черта вы тут зацепились? Там уже одного нашего уложили.

Костя видел, как у Каскадова что-то произошло с лицом — оно словно ссыхалось на глазах.

— Клява, разберитесь с этими, — он указал на задержанную компанию. И обратился к Соколову: — Пошли, а то навалите, придурки, трупов...

Эмерс не знал, что делать, однако ноги помимо воли сами понесли вслед за Каскадовым. Он уже не видел, как омоновцы лихо принялись за работу. Вскоре вся четверка из «форда», упершись в забор руками, «наслаждалась» щекоткой — один из омоновцев обыскивал их с ног до головы...

Во дворе, куда забежал Каскадов с Соколовым и вслед за ними Эмерс, у красного «москвича» сгрудилось несколько омоновцев. Они матерились и размахивали своими автоматами-коротышками, словно жестикулируя. В тени развесистого ясеня лежал убитый оперуполномоченный, подчиненный

Алима. Это он первым почти достал того, кто схватил чемоданчик с деньгами, и, видимо, скрутил бы, если бы в этот момент из кустов жасмина не шарахнули из обрезка. Крупная картечь начисто снесла полголовы. Он уже не слышал, как взревел мотор и откуда-то из-за особняка, продираясь сквозь густые заросли шиповника, выскочила темно-синяя «девятка» и устремилась в сторону пляжа.

Тот, кому достался «дипломат», успел вскочить в машину, оставив всех с носом.

Темные глаза Каскадова от волнения сузились, казалось, еще немного и они задымятся от гнева.

— Почему, черт возьми, вы упустили птичек? — обратился он к Соколову. — Теперь, надеюсь, ни у кого сомнений не осталось, что это самая настоящая банда.

— Не психуй, Алим, — сказал Соколов. — Не так все просто, как ты думаешь. Между ними и нами оказался наш «опер» Крутов, а он стрелял в воздух... Ребята из ОМОНа еще только выдирались из шиповника, когда отсюда рванула «девятка». Мы палили по ней, но она мигом скрылась за домом.

— А где твой чертов «москвич» находился, в это время?

— Все произошло мгновенно, ты сам прекрасно знаешь, что на этой колченогой тачке

дальше первого песка не уйти...

— Ладно, Сокол, признайся, что прошляпили... Свяжись с постами ГАИ, чтобы ловили темно-синюю «девятку», а пока с артистом поговорю...

И тут только Эмерс увидел сидящего на крыльце особняка Маэстро. Вид у него был — краше в гроб кладут...

— Вам придется поехать с нами, — сказал Каскадов. — Кстати, когда освобождались от денег, не видели, кому их передали?

— Мне мешали кусты, единственное, что я заметил... Кажется, на безымянном пальце левой руки не хватало фаланги, а на среднем пальце правой — огромная печатка...

— Это уже немало, спасибо...

Каскадов поискал взглядом Соколова и подозвал.

— Они наверняка рванули на Кемери, а мы двинем в сторону Меллужи. Через километр-другой они опомнятся и захотят прорваться к переезду, чтобы затем по Валтеру уйти к реке...

— Почему ты так думаешь? — спросил Эмерс.

— А что им еще остается? Ведь они, наверное, догадываются, что все выходы из города перекрыты. Остается только переправа через Лиелупе или какая-нибудь местная «малина», где

можно отсидеться... Пойдем, посмотрим след «девятки», — сказал Каскадов и вместе с Соколовым направился в сторону примятых машиной кустов.

Костя прошел двором. словно дуновение смерти исходило из всех его углов. С чувством облегчения он подошел к калитке, за которой раздавалась перебранка.

«Форд» был на месте. Один из омоновцев не спускал глаз с поставленных к стенке людей, второй проводил досмотр. На капот «форда» сыпалось все подряд: деньги, сигареты, зажигалки, косметички. Из сумки одной из девчушек — круглолицей смуглянки — вместе с тенями и губной помадой выпала серебристая пачка презервативов.

— Молодчина, — прокомментировал сей факт высокий омоновец, — береженого Бог бережет.

Бесцеремонность «черных беретов» выводила из себя задержанных.

— Если у вас другой работы нет, пошли бы лучше на пляж загорать, — сказал тот, что в спортивном костюме.

— Им еще надо нам под юбку заглянуть, — поддержала смуглолицая.

— Что, кстати, мы, возможно, и сделаем, поскольку все вы подозреваетесь в причастности к убийству, — спокойно прореагировал омоновец.

— Чего-чего? Убийству? — девица потянулась к лежащей на капоте пачке «Уинстона». — Может, вы нам еще изнасилование ваших доблестных коллег припишите?

Подошел второй омовец, он только что обыскал машину. В руках у него были два газовых баллончика и целлофановый пакет. Его содержимое тоже оказалось на раскаленном от солнца капоте.

— А вот и господин Вашингтон, — с оттенком самодовольства произнес омовец, имея в виду доллары, которые он нашел в машине. — Считать будем?

— Там четыре с половиной тысячи... во всяком случае столько было, — ответил блондин. — И можете не утруждать зря свои извилины, вся валюта законная.

Реплика омовца разозлила.

— У вас, лавочников, все всегда законное, а копнешь поглубже, выясняется...

— И выясняется, — перебила все та же круглолицая смуглянка, — что когда имеешь дело с дебилами, лучше всего быть глухонемым.

Костя, глядя на всю эту бессмыслицу, приуныл. И впрямь — пойти бы на пляж и искупаться. Самым сильным впечатлением странного дня был тот факт, что «черные беретты», облаченные в полную боевую экипировку, до сих пор еще не превратились в «домашнее жаркое»...

Что будет дальше, он прекрасно знал — придет милицейский «уазик», четверку задержанных отвезут в отдел, в изолятор временного содержания. Три дня будут выяснять — кто есть кто... А может, и сразу отпустят — в зависимости от расклада.

Ни слова не говоря, Эмерс повернулся и направился в сторону от моря. В кроссовки тут же набрался песок. Не терпелось поскорее переобуться. Его окликнули:

— Эй, корреспондент, ты куда?

— Я вам чем-нибудь обязан? — спросил на ходу Костя.

— Ты главный свидетель, а нам надо составить протокол досмотра...

— Это ваши проблемы. Я никогда не выступаю свидетелем. Что-то его грызло. Возможно, давал о себе знать внутренний протест против методов работы омоновцев, а может, страх и жалость, связанная с убийством пусть и незнакомого человека. Как легко, оказывается, перекочевать на тот свет...

Дома встретило гробовое молчание. В такие минуты двухкомнатная квартира превращалась в музей восковых фигур — молчаливых и потусторонне отчужденных.

Иногда, правда, тишина вдруг взрывалась и начиналось вавилонское столпотворение.

— Кто-нибудь звонил? — поинтересовался

Костя у своей жены со странным именем Нора.

— Я тебе не секретутка, — ответствовала та и Костя почувствовал — «третий тип погоды». Он хотел проигнорировать выпад, но не тут-то было.

— Все как молоденький гоняешь по взморью. Сорок лет, а ума не нажил...

Внутри начала понемногу раскаляться какая-то спираль. Сдержавшись, он отправился к себе в комнату. Сделав несколько приседаний, вытащил из ниши секретера машинку и поставил на свой крохотный стол.

Открылась дверь и в комнату вошла Нора.

— Ты, наверное, забыл, что я женщина, — она замешкалась, подыскивая более весомый аргумент, — и нуждаюсь в нормальных человеческих отношениях. Я хочу, чтобы муж был рядом со мной...

— И желательно на поводке, — перебил Костя.

— С тобой только дерьмо кушать, норовишь всегда быть первым... Разве многого я хочу — погулять раз в неделю по пляжу, в кино сходить. Я же всегда у тебя словно милостыню выпрашиваю... Будь ты проклят, скотина...

Он уже заложил в машинку чистый лист бумаги и изготовился печатать. Однако лекция на тему «брак и семья» продолжалась на той же патетической ноте.

— Может, хватит под руку псалмы петь? — Костя чувствовал, как в нем начинают плавиться какие-то предохранители. — Когда ты пять лет назад уходила со своим Арвидом, я позволил отвести меня в суд и развестись. Конечно, я понимал — кто я, а кто он. Я, по твоей классификации, журналистишка, да и только... А твой Арвид? Восходящая звезда оперетты. А ты сама — звезда демонстрационных подмостков. А ведь я предупреждал: перевалит за тридцать — ни один модельер на тебя не поставит. Им нужны манекенщицы-телки, которых можно и людям показать, и самим между сеансами оприходовать...

Нора сверкнула своими агатово-черными глазами, но под руку ничего не попадалось.

— Прошу, кончай-ка ты эту истерику, — Костя поднялся со стула и занял оборонительную позицию. — Я сегодня такого нагляделся, что и в кошмарном сне не привидится...

— Думаешь, никто не знает, что ты шляешься с молодой девкой? — лицо Норы сморщилось и, казалось, вся ее агрессивность ушла в слезы. Вскоре он услышал, как звякнула на кухне посуда, полилась из крана вода.

«Кажись, профилактика закончилась, — подумал он, — можно спокойно поработать». Однако руки дрожали, мысли разбегались и пришлось перепечатывать целую страницу —

слишком много было ошибок.

Но не успел он закончить первый абзац, как зазвонил телефон. Это был Васьвась (Василий Васильевич) — бо-о-лышой защитник социальной справедливости. Коротковолновик-любитель и нештатный корреспондент.

— Ну, что новенького, Васьвась? — Костя чувствовал, что поработать сегодня не суждено.

— На проспекте Межа автобус сбил молодую женщину. Выскочила из притона, перед этим таблеток наглоталась. А знаешь, кто там живет? Сынок нашего первого секретаря. Курортные утехы...

— Ой, Васьвась, дай отдышаться, знаю я об этом. Мне завтра в номер отчет сдавать о соревнованиях.

— Моя половина в санатории «Балтийский янтарь» работает — недавно туда пожаловал сам Тимофей Николаевич Ермак...

— Ну, допустим, Васьвась, что так оно и есть, но я никак не пойму, чего это все вы так с ним носитесь...

— Его же из Политбюро выкинули, а как ты думаешь, плохих оттуда выкидывают? Я на твоём месте взял бы у него интервью.

— Давай, Васьвась, останемся каждый на своём месте. Пока что его подвиги меня не прельщают.

— А напрасно. Приглядишься и, возможно, поймешь, что это тот, кто поставит жирный крест на развитом социализме...

— С каких это пор ты стал таким радикалом?

И вдруг телефон замолчал. В комнату снова вошла Нора.

— Ты для всех «скорая помощь», только не для меня.

— Прошу тебя, не заводись, — взмолился Эмерс. — Потом поговорим. И ради Бога, когда мне звонят, не злоупотребляй параллельным аппаратом.

Простенький отчет о теннисе превратился вдруг в неразрешимую проблему. В висках стучало, а сердце билось неровно — то почти замирало, то начинались назойливые толчки. Хроническая синусоидальная аритмия давала о себе знать. Сходил на кухню и принял сорок капель корвалола, запил глотком воды четвертушку анаприлина. Потом долго и бесцельно сидел над машинкой.

Отложив работу на утро, он открыл томик своего любимого Клода Гельвеция: «Нетерпимость превращает в лицемеров, сумасшедших, идиотов всех тех, кто находится в атмосфере ее влияния».

Закрыв книгу, задумался. Случись с ним безвозвратное, что станет с тем же Гельвецием, с его соседями по полке — Львом Толстым, Амброзом Бирсом? Попадут ли к друзьям, или будут пылиться у Норы? А может, их ждет обычная

участь всего ненужного — мусорная свалка, это кладбище вещей?

Телефон вновь напомнил о себе. Костя снял трубку. Но на другом конце провода с ответом явно не спешили. Эмерс собрался было уже бросить трубку, когда послышался хорошо артикулированный голос:

— Простите, я говорю с журналистом Эмерсом?

— По-моему, я уже назвался, — не без раздражения ответил Костя.

И снова пауза..

— Видите ли, просто я по поручению одного администратора, администратора-руководителя, разумеется, хотел бы обсудить одну тему.

— В этом смысле у нас предложение превышает спрос. Кто же он, этот администратор?

— Думается, он достаточно интересен для вас.

— А до завтрашнего утра подождать он не может? — Костя вытащил из пачки мятую сигарету.

— К сожалению, завтра я на день уезжаю в Москву, а потом...

— Хорошо, приходите... Вы знаете, где находится ресторан «Юрас перле»? Прекрасно, там есть уютная аллея, в конце которой растет изогнутое дерево, около него я и буду вас ждать... Только как мы узнаем друг друга?

— Это для нас не проблема, — незнакомец

как бы что-то подчеркивал, употребив «нас». — Так когда мы можем встретиться?

Эмерс взглянул на часы — было без двадцати девять.

— В двадцать один плюс минус пять минут, — сказал он и положил трубку.

Он задумался, но долго, впрочем, голову не ломал — такие полуанонимные звонки редкостью не были. Иногда они вносили в его жизнь журналиста новые повороты. И он отправился на встречу.

Ждать долго не довелось. Подошел широкоплечий, коренастый человек, одетый по чиновничьи — в темном костюме, при галстуке, невзирая на жаркий июль. Эмерс узнал его сразу: помощник Ермака, с которым познакомили на кортах.

— Геннадий Семенович Лыдый, — представился незнакомец, и Костя еще раз ощутил железное рукопожатие.

Они вышли к самой кромке воды и, не спеша, направились в сторону устья Лиелупе. Несколько минут шли молча, да и потом разговор оставался отрывистым, как бы ни о чем...

— Прежде у вас не бывал, — сказал Лыдый, — и теперь жалею об этом. Странное море, похоже на застывшую лаву...

— Впечатление не случайное, — отреагировал

Эмерс. — Море-то грязное...

И вдруг неожиданный вопрос:

— Скажите, Константин Артурович, ваша газета давно стала такой?

— В каком смысле?

— Боевой что ли... Она выходит раз в неделю?

— По средам. А насчет «боевой» — это кому как. Для одних наш «Курортник» — экстремистский листок, для других — просто макулатура, для третьих — заядлый провинциализм...

— На всех, естественно, не угодишь, — гость шагал широко, заложив руки за спину. — Но представьте себе, вашу газету знают и в Москве, среди подобных изданий она весьма выделяется. И ваше имя тоже достаточно известно...

«Льстит товарищ, — подумал Эмерс, — сейчас, наверное, перейдет к главному — ради чего пожаловал». Но гость заговорил о другом.

— Очевидно, такова судьба всех песчаных пляжей, — Геннадий Семенович кивнул в сторону дюн, основательно подмытых недавним штормом. — Со стихией ничего не поделаешь, верно? И вдруг без перехода спросил:

— А как вы, Константин Артурович, относитесь к Центру?

— Пожалуй, так же, как Центр к республике

— наплевательски.

— Откровенно сказано... А кого бы вы хотели проинтервьюировать из тех, кто начал эту... перестройку?

— В основном меня интересуют люди из других сфер — писатели, деятели культуры, науки... У них, по крайней мере, можно вытянуть живую мысль. А что могут сказать политиканы?

— Присядем, — предложил Лыдый и свернул в сторону ярко-оранжевой скамейки.

Они уселись лицом к морю, куда ослепительным диском падало солнце.

— Что вас привело ко мне? — без обиняков спросил Эмерс.

— Скажите, что вам известно о Тимофее Николаевиче Ермаке?

— О вашем шефе, что ли?

— Ермак один...

— Не больше того, что и всем. Бывший комвождь, сброшенный с партийного Олимпа, теперь опальный министр. В целом воспринимаю всерьез — хотя бы за то, что он расплевался с номенклатурщиками. Но все это, думается, с его стороны поверхностное, скорее дань эмоциям, нежели принципам.

— Вы могли бы сделать с ним интервью?

— Отчего же это предлагается мне? — Эмерсу вдруг стало весело. — Разве в Москве не найдется

журналиста, который согласился бы?

— Вы чего-то боитесь?

— Кто — я? Если чего-то и боюсь, то разве что своей жены... Дело, как вы понимаете, не в страхе, а, пожалуй, в необычности вашего предложения. Честно говоря, я просто чего-то не улавливаю.

Льдистый отвел взгляд от закатной дорожки.

— Вы, должно быть, знаете, за что его убрали? Мой шеф шел против течения. И не просто убрали — его пытаются превратить в политический труп, с чем мы, естественно, согласиться никак не можем.

— Простите, кто это — мы?

— Рассказывать об этом можно долго. Тимофея Николаевича прочно заблокировали деятели из Политбюро вкупе с молодцами из ЦентрСПБ. Короче, чтобы не задушили окончательно, ему нужна широкая трибуна.

— Это вы с ним так думаете или в стране сложилась такая ситуация, что...

— А как, Константин Артурович, вы считаете сами? В России такого волевого и трезвого политика, политика такого масштаба не появлялось давным-давно, и было бы непростительной ошибкой демократов не сделать ставку на этого человека. Вы ведь сами видите, что творится вокруг.

— Но почему вы выбрали наш скромный «Курортник» и лично меня, хотя даже здесь на кортах слоняется без дела добрый десяток спецкоров центральных изданий?

— Они, может, и взяли бы интервью, да их редакторы не позволят опубликовать. АПН и журнал «Огонек» пытались и что же — молчок... Нашли какие-то неубедительные доводы и не публикуют. Вас же выбрали потому, что гласность вы восприняли так, как и подобает. Пишите вы недурственно, остро. Это первое. Второе: ваша газета с помощью отдыхающих разлетается по всей стране, а именно это нам и нужно.

— И что же мне предстоит? — после некоторого раздумья спросил Костя. — Провести традиционную беседу о том, о сем или изложить некую программу Ермака?

— Ирония понятна. Однако мы полагаемся на ваш опыт и интуицию. Связь будете поддерживать со мной...

Льдистый наклонился и, разгладив ладонью песок, написал спичкой номер телефона.

— Вы сможете завтра, между встречами нашей сборной с Голландией, быть у четвертого корта?

— Вы думаете, там потише, меньше народа?

— Не в этом дело, просто упрощаю задачу. Можете сами назначить место...

— Мне все равно. Думаю о другом: смогу ли выполнить то, о чем вы просите. Учтите, что в политике я невежда, круглый ноль и, честно говоря, от нее меня с души воротит.

Геннадий Семенович сдержанно улыбнулся.

— Ну что ж, придется перед встречей принять таблетку аэрона... Кстати, могу одолжить, — Льдистый перестал улыбаться и в его глазах появился стальной оттенок.

— Ладно, не только в этом дело, — смутился Костя. — Вы должны понять, что ваше предложение для меня то же самое, что для чечеточника станцевать в балете. А я больше всего опасаясь оказаться не в своей тарелке.

— Это вы бросьте, Константин Артурович, не скромничайте, не умаляйте своих возможностей. — Льдистый успокаивающим жестом положил руку на колено Кости. — Вы в своих статьях пытаетесь докопаться до сути предмета. Все ваши вопросы, заданные собеседникам, как правило, попадают в самую точку. У вас аналитика преобладает над чувствами, хотя иногда вас и заносит. Но это не беда, поскольку основную линию вы выдерживаете. А главное, что вас выгодно отличает от коллег — отсутствие внутреннего цензора.

— Вы мне льстите, Геннадий Семенович, — в голосе Эмерса можно было уловить скрытые нотки удовлетворения.

Они поднялись со скамейки. Наверху, в дюнах, было теплее и меж соснами уже витали вечерние тени. Костя пошел провожать гостя на вокзал в Лиелупе. На подходе к станции Геннадий Семенович прервал молчание неожиданным вопросом:

— Вы случайно не собираетесь разводиться?

Эмерс недоуменно огляделся по сторонам, словно его подловили на чем-то неприличном. Накатило раздражение: он терпеть не мог, когда без спросу лезли в его личную жизнь. И, видимо, собеседник понял это.

— Вы, Костя, пожалуйста, не обижайтесь. Но желательно, чтобы у вас дома не было напряженности. И, кстати, вы зря так откровенно демонстрируете свои отношения с вашей девушкой... — Лыдый остановился и повернулся лицом к Эмерсу. «Ну ни дать ни взять боксер этот Геннадий Семенович», — подумал Костя. — «Нос приплюснут, уши точно раскатанные блины»... — Хорошо, скажу по-другому. Нельзя, чтобы это могли использовать и вы себя чем-нибудь скомпрометировали. Это и вам ни к чему, и в наши планы не входит. Понимаете?

Справа послышался шум подъезжающей электрички. Чуть ли не бегом они устремились через редкий лесок к перрону. И когда Лыдый уже садился в вагон, Эмерс, запыхавшись, успел

крикнуть:

— Я вас вполне понимаю, но ангелом стать не могу... Уж не обессудьте.

— Завтра в пятнадцать у четвертого корта... Не забыли? — и двери за гостем с визгом задвинулись.

Спустившись с перрона, он направился в сторону теннисного стадиона. Сквозь редкие сосны проглядывали оранжевые бока трибун. Подойдя ближе, он услышал удары по мячу. Кто-то, несмотря на поздний час, играл. Костя перелез через сетчатый забор и направился в сторону четвертого корта. Березы, росшие впритык с игровым полем, огладили прохладной листвой лицо. «Здесь мы завтра с ним встретимся, — подумал Эмерс, — только что из этого получится?»

Подойдя поближе к площадке, он разглядел играющих: первый секретарь горкома партии со своим постоянным партнером — естественно, того же ранга, вторым секретарем ЦК компартии республики. Эмерс мог побиться об заклад, что и на остальных пяти площадках можно увидеть всю городскую знать — от предисполкома и до барменов.

Дома Костя первым делом позвонил шурина Артему, мужу своей сестры Насти. Это несколько чудаковатый эрудит, рано облысевший бумажный червь, раз и навсегда попавший в тенета домостроя.

Она проводила время в косметических кабинетах и за шейпингом, он же читал все, что только под руку подвернется, и занимался своим разлюбленным хобби — интарсией. Несколько работ попало даже на выставки за границей, куда, впрочем, его самого не пускали. Артем ходил в политически неблагонадежных. Однажды позволил себе усомниться в историческом значении Малой Земли в истории Великой Отечественной. Да еще публично, на дне рождения своей Насти, на ее тридцатилетии, где среди людей порядочных затесался и какой-то стукач. Шурина вызвали куда следует, но, к счастью, дело дальше воспитательных мер не пошло. Случился и еще один политический прокол, связанный с Черненко. Когда того чуть ли не в коматозном состоянии приволокли на избирательный участок и показали по ЦТ, столь вопиющего маразма тонкая душа Артема вынести не могла и он отправил гневное послание на телевидение. Вместо ответа из Гостелерадио получил приглашение, правда, устное, в одно компетентное учреждение. И на этот раз он обязательно загредел бы, не отдай вскоре Богу душу сам виновник неприятностей — Черненко.

— Артем, скажи, что ты знаешь о Ермаке?

— Так это же мой земляк. У нас в Сибири он был первым секретарем обкома. Все были уверены,

что от него рано или поздно избавятся.

— За что же такая любовь?

— Чересчур ершистый, независимый. Между прочим, дважды попадал в автомобильные катастрофы. И поговаривали о покушении...

— Что еще знаешь?

— Отдал под суд трех секретарей райкомов — за взятки, торговлю шерстил так, что аж пух летел. Заворовались, сволочи...

— И это все его победы? — Эмерс явно заводил шурина.

— При чем тут победы? — в голосе Артема послышалась обида. — Дело ведь в принципе. Он ненавидел всю эту партийную нечисть...

— И кормился из одной с нею миски?

— Но ты забыл, наверное, что он спортсмен, играл за сборную России по баскету и в отличие от журналистов до сих пор играет на «команду», а не только на самого себя.

— Ты брось, швагер, трогать мою профессию и лучше скажи такую вещь... Короче, что и где можно о нем прочитать?

— Если не секрет, зачем это? С каких пор ты начал интересоваться политическими трупами?

— С тех самых пор, как эти самые трупы стали приезжать к нам на отдых.

— Ты что — серьезно?

— Вполне.

Артем замолчал и причмокнул губами. Такая уж у него привычка. Видно, что-то обдумывал. А думал он пусть не быстро, но зато обстоятельно.

— Обожди, — сказал Артем, — сейчас посмотрю свои вырезки.

Пока шурин что-то разузнавал, Костя снова раскрыл наугад томик Гельвеция. Место попало со значением: «Всякий большой талант является, как правило, предметом ненависти, и этим объясняется готовность покупать пасквили, в которых жестоко критикуют выдающихся людей».

— Алло, ты слышишь меня? — это Артем нашел искомое. — Записывай: «Правда» за... «Известия» за... Это выступление Ермака на XXVIII съезде партии и на партконференции. С тех пор как он слетел, в прессе больше ничего не появлялось.

— А ты знаешь, почему он слетел?

— Не хотел в одних оглоблях бежать с мафией.

— Откуда ты это взял?

— А то, Кот, ты сам не знаешь, что оттуда добровольно не уходят. Вперед ногами — да, выносят, но только не по собственному желанию. А Ермак отвалил сам, да еще так хлопнул дверью, что империя дала трещину.

— Не преувеличивай, швагер. Империя крепка и танки наши быстры...

В микрофоне что-то щелкнуло и Эмерс

поймал себя на мысли, что подобные разговоры не для телефона. Но поздно, основные секреты уже не секреты...

— Завтра постараюсь приехать к тебе и прочесть все, что ты там накопал, а пока не будем помогать всякой мрази тратить и без того дефицитную в стране магнитную пленку. И учти, Артем, я очень люблю Генерального секретаря, согласен с его перестройкой, а советская власть — мне дороже родной мамы. Особенно уважаю наши компетентные органы.

Долго сидел он над чистым листом, не в силах придумать подходящий заголовок. За все долгие годы в журналистике не было еще случая, чтобы он начинал писать материал, не найдя подходящего названия. Но в голову лезли затертые штампы типа «Быстрые ракетки» или «Победная свеча»... По простенькой траектории его мысль сблизилась с предстоящей встречей с Ермаком и, пройдя по подсознательным дорожкам, выпорхнула, пусть и не фонтан это, но четким заголовком: «В преддверии развязки». И полуфинал турнира, и грядущая встреча вполне отвечали ему. А то, что сам он находился в преддверии чего-то важного, а быть может, и опасного, никаких сомнений не вызывало.

Около трех ночи он поставил последнюю точку. Перечитывать не стал — отложил до утра.

Голова и так уже пухла.

Костя еще посидел чуток, полистал своего любимого философа и, не отказывая себе в маленьком удовольствии, прочел еще одно место, им же самим отчеркнутое: «Добродетели покидают те места, откуда изгнана истина. Они не встречаются в тех государствах, где рабы называют солнцем справедливости самых несправедливых и жестоких тиранов, где страх диктуют людям панегирики. Какие идеи о добродетели могут составить себе злополучные царедворцы в тех странах, где государей тем более хвалят, чем больше боятся?»

ВСТРЕЧА

Проснулся Костя рано, несмотря на позднюю работу накануне. Включил стоящий у изголовья приемник и взялся за гантели. Лежа на спине. Так было легче для пораженного склерозом сердца. Лет двадцать назад, переболев ангиной и гриппом одновременно, по собственному разгильдяйству поздно обратился к врачам. А они, в свою очередь, проглядели воспаление сердечной мышцы. Миокардит. Результат — аритмия, приступы удушья.

При заключительном упражнении в комнату ворвалась Нора. Она продолжала злобствовать:

— Все молодиться? Напрасно, машинка от этого лучше работать не станет.

Хлопнув дверью, жена пошла кормить кошек. Трех, живущих дома, и с дюжину дворовых, приبلудных. Затем еще раз заглянула в комнату и чуть мягче осведомилась:

— Жрать будешь?

В редакцию он пришел около десяти, когда в секретариате никого еще не было. Положил на стол материал, заглянул в кабинет редактора, но и тот еще не пожаловал. Вернувшись в свой кабинет, уселся на вертящийся стул. Бездумно глазел за окно, на каштан, и проплывающие над ним кучевые облака — как всегда, когда было скверно на душе или что-то не ладилось.

На лестнице слышались шаги. Редакция оживала и в легком гомоне он выделил баритон шефа. Однако окончательно решение у него не созрело — говорить ли редактору о предстоящей встрече или рассказать после того, как рандеву состоится.

Зазвонил телефон. Костя снял трубку, думая, что это Зайга. Но звонил Васьвась. Как всегда очень озабоченный социальными несправедливостями.

Не успел Костя врубиться, что к чему, как Васьвась стал диктовать адреса дач, принадлежащих партийным иерархам, которые, по его мнению, следовало незамедлительно

экспроприировать.

— Да подожди ты на меня давить, — взъярился Эмерс. — Приходи в редакцию и спокойно поговорим.

Он набрал номер ГАИ. На другом конце провода прозвучало:

— Придется обождать результатов экспертизы. Есть основания предполагать, что та девчонка наглоталась наркотиков...

— Это, конечно, информация стоящая, но ты мне, старик, скажи, откуда она выпорхнула?

— А ты что сам не знаешь или пытаешь у слепого дорогу? — рассердился гаишник. — Это же дача сыночка нашего «первого». Только пока между нами... Заурядный кутеж с девчонками и водярой, потом в ход пошли «колеса». Я думаю, тебе надо позвонить следователю. У меня все, финита...

— Насколько я понимаю в таких делах, наркотиками занимается прокуратура?

— По-моему, да... Однако не думаю, чтобы в этом случае было возбуждено уголовное дело.

— Посмотрим.

Эмерс задумался, решая — позвонить сейчас в прокуратуру или же отложить на завтра? Он набрал номер Каскадова.

— Ну, с чем тебя, Алим, поздравить? Нашел своих рэкетиров?

— Черта с два! Ушли сволочи и знаешь, по какой дороге?

— По какой?

— Как я и предполагал, они рванули на Меллужский переезд, оттуда — по Валтеру. Шли через Дубулты и на скоростях — в Лиелупе. Не постеснялись идти через мост, где их уже ждали и даже перекрыли дорогу переносным шлагбаумом. Но, понимаешь, век живи — век учишься. Рванули мерзавцы на встречную полосу и с концами. Один гаишник не растерялся и вдогонку выстрелил, клянется, что угодил в заднее стекло... Ну что делать — связались с Ригой... Словом, ищем ветра в поле и ничем пока тебя не могу обрадовать...

— Значит, накрылись ваши деньжата?

— Накрылись и, кажется, надолго.

— Ладно, Алим, ты лучше скажи, кто по вашей линии занимается наркотиками?

— Ты имеешь в виду девчонку, попавшую под автобус?

— Черт, у тебя действительно нюх сыщика... Я имею в виду именно тот эпизод.

— Забудь о нем. Его просто не было. Еще вчера в прокуратуру позвонил САМ и потребовал все материалы к себе. А значит — с концами...

— Почему так думаешь?

— А то ты не понимаешь: вся компра на первых лиц тонет в каком-то омуте, пойдет на дно

благополучно и эта...

Эмерс, выдержав паузу, спросил:

— Алим, если бы это с твоей сеструхой произошло, ты тоже спустил бы на тормозах это дело?

— Конечно, я мог бы тебя, Кот, послать куда-нибудь подальше, но так и быть... Во-первых, у меня сестры нет, а во-вторых, еще нужно доказать, что мы имеем дело с наркоманией. Вот когда придет ответ из лаборатории...

— Тогда поздно будет...

— Отнюдь... Мои ребята тоже не пальцем деланы. Всю компанию прихватили на вокзале в Булдури и отвезли в медвытрезвитель. Правда, сынка отпустили сразу, но и он тоже вместе с другими был подвергнут тесту на наркотики. Так что процессуально все закреплено.

— В прокуратуре-то?

— Не валяй дурака, ты же понимаешь, о чем идет речь.

— Не кипятись, Алим, я о тебе думаю гораздо лучше, чем ты этого заслуживаешь.

— И на том спасибо. Будет надобность, заходи — считаешь протоколы.

В кабинет вошел ответсек и показал макет полосы.

— По-моему, заголовок просится покрупнее, — сказал Эмерс. — Впрочем, тебе

виднее.

— Дадим три снимка, — Алдис веером раскинул перед Костей десяток фотографий. Отобрали подинамичнее, с необычным ракурсом.

Зазвонил телефон. Костя снял трубку и назвал. Тишина. Так всегда, когда звонит Зайга.

— Редакция. Говорите...

Послышались отдаленные голоса, затем из них выделился нетрезвый мужской, прерванный всхлипом Зайги.

— Здравствуй, Котик, это я.

— Ты где?

— В Риге, ночью прилетела...

— Ты где? — повторил Эмерс.

— Я же сказала — в Риге... У Нинки Петровны.

— Кто с тобой рядом? Молчание. И снова всхлипы.

— Подбери сопельки и скажи, кто там еще? — в нем начинала копиться злость. И это, видимо, передалось. В трубке вдруг раздался треск.

— Не знаю... Когда я пришла, они уже здесь были... — И внезапно, вместо знакомого голоса Зайги раздался другой — грубый, навязчивый.

— О чем страдаешь, Отелло? — это ему, Эмерсу.

— Ты лучше, синька, позови-ка девчонку... — Смешки, визг Зайги.

— Перебьешься, она еще свое не отработала.

А затем сквозь шум, возню, плач пробилося коронное Зайгино: «Да отвали ты, мразь пузатая!» Когда в трубке вновь послышался ее голос, Костя рывкнул:

— Сей же миг выметайся оттуда!

— А они ключ от двери спрятали...

— Ух, суки, — простонал Костя. — Адрес?

— Маскавас, 431... Квартира.

— Скажи своим козлам, чтобы повременили с уходом.

— Ты драться собираешься, да, Котик? Не надо, они пьяные...

— Утрись и жди... Кажется, ты сегодня не на том аэродроме приземлилась...

Молодой вихрастый таксист за двойной тариф согласился «чутко рискнуть» и помчал в сторону лиелупского моста. Газанул с самого начала на всю железку и как ошпаренный неся до самой Риги.

— Ждите, — сказал он таксисту, а сам с легкостью необыкновенной взбежал на пятый этаж. На лестничной клетке так и шибануло в нос смесью винного перегара и табачного дыма.

Когда на звонок не ответили, Костя принялся барабанить что есть сил руками и ногами в дверь. Музыка стихла и послышались пьяные голоса, среди которых вдруг пробилося меццо-сопрано Зайги. Ее голос то приближался, то вновь

отдалялся. Видно, кто-то ее пытался оттащить от двери и это предположение окончательно вывело из себя Эмерса.

— Откройте! — орал он на весь этаж, — или я всю вашу шарашку разнесу.

Он продолжал колотить в дверь, пока за ней не раздался заплетающийся голос:

— Кто там? У нас вроде бы все дома, — и паскудный смешок шалавы, — Нинка Петровна.

— Ты крепко ошибаешься, Нинок, еще не все... — он изо всей силы долбанул каблуком по двери. — Или ты, стерва, выпустишь Зайгу, или я тебе все последние мозги повышибаю...

Звякнула цепочка, поворот ключа и дверь широко распахнулась. Рядом с полуголой Нинкой стоял, покачиваясь, расхристанный, со злыми глазами детина. Они несколько мгновений стояли друг против друга, пока Эмерс не переступил порога. Где-то из глубины квартиры его позвала Зайга.

— Вы, сударь, наверное, ошиблись адресом, — басовито заявил волосатый детина и мгновенно обвил Костю длинными, жилистыми руками. Дыхание перехватило. Но спустить себя с лестницы он не дал — правой ногой что было силы саданул мужику по колену, выскользнул из захвата и нанес точный удар в челюсть. Волосатый, закатив глаза, плашмя рухнул в темный провал прихожей.

Нинка, увидев крушение верзилы, завопила на весь дом, но дорогу уступила, прижавшись к стене.

— Зайга, ты где? — крикнул Эмерс и тут же понял — в комнате ее нет. Шум и возня раздавались из кухни. Зайга была зажата между газовой плитой и подоконником, по щекам растеклись ручейки туши. Она отталкивала жгучего брюнета, скалившего зубы и ни за что не желавшего расстаться с девчонкой. Костя и не заметил, как тот, схватив с плиты сковородку и размахнувшись, обрушил ее на Костю. Но второпях промазал. Зато Эмерс с разгону угодил красавчику ногой в пах. Но когда Костя, схватив Зайгу за руку, потянул ее к выходу, в спину что-то вонзилось. Он обернулся и увидел, что у брюнета в руке вилка.

— Эх, парень, — почти дружелюбно сказал Эмерс, — и зачем, интересно, тебе моя кровь?

Зайга видела, какая неудержимая ярость его охватывает. Она даже зажмурилась и стала про себя считать, как всегда, когда самолет шел на посадку.

Но все обошлось — тот, с вилкой, явно перебрал и даже не попытался прикрыть лицо, а после подсечки рухнул на пол.

— Вали отсюда! — Эмерс оттолкнул маячившую в коридоре Нинку. Та пьяно всхлипнула и все никак не могла натянуть на плечо бретельку.

— Мразь! — неизвестно в чей адрес

резюмировал Эмерс. — Он был зол на весь свет, но больше всего на Зайгу. Та бежала следом в своем голубом спортивном костюмчике и все время повторяла:

— Честное слово, я здесь не при чем... Это Нинка их наприглашала, ей абсолютно все равно, с кем пить... — В руках у нее болталась сумка.

— Поговорим потом, а пока глянь, что там у меня на спине. — Они остановились на лестничной площадке третьего этажа.

Зайга задрала ему рубашку и констатировала:

— Крови только чуточку, четыре малюсенькие дырочки, неглубокие...

Такси ожидало. Через полчаса они оказались в Дзинтари. Костя нервничал — время поджимало, пора было собираться на встречу с Ермаком.

Они вышли из машины и пошли вглубь леса. На черничной поляне Зайга расстелила свою складную матерчатую сумку и они уселись.

— А теперь выкладывай, как все было.

— Я ужасно устала. Чуть не всю ночь на кухне отсиживалась.

— А как вообще ты там очутилась?

— А что — в аэропорту оставаться? Я ведь не предполагала, что у Нинки Петровны такой бордель...

— Кто эти мужики?

— Почем я знаю... — Зайга отвела взгляд,

явно что-то недоговаривая.

— Допустим, что так... Поспи, а я пока подумаю. Скоро у меня серьезная встреча, — и тут же ругнул себя за высокомерный тон.

— С кем? — вяло поинтересовалась уже сонным голосом Зайга.

— С одним государственным мужем.

Пощипывая кустики черничника, под посапывание Зайги, он размышлял о превратностях своей жизни. Из чего она, собственно, складывается? — спрашивал он себя. Ну, допустим, появится еще один материал, пусть даже сенсационный. А что дальше? Минет неделя, другая и все мало помалу покроется патиной времени... Что же станет с ней? Эмерс согнал со лба Зайги комара и приложил ладонь к укушенному месту. Голубая жилка на виске трепетно ожила. Он знал, что в детстве Зайгу угораздило удариться об угол стола и пробить височную кость. Едва заметный шрам всегда вызывал у него щемящее чувство жалости.

Когда солнце приблизилось к широкой кроне старой сосны, он начал будить Зайгу. Спросонья она пробормотала:

— Кот, что случилось? Где это я?

— На Канарских островах... Вставай, нам пора.

Зайга поднялась с земли и принялась

отряхивать от хвоинок свой голубой костюмчик.

— Долго собираешься пробыть у того деятеля?

— Это не от меня зависит. Возможно только договоримся об интервью и я — свободен.

— А кто этот твой государственный муж? — Зайга достала из сумочки косметичку.

— Ермак... Знаешь такого?

— Фамилия будто знакомая. Что-то, кажется, из русской истории. Какой-то завоеватель...

— Правильно, — улыбнулся Эмерс, — был такой на Руси. Сибирь покорял. А вот тот Ермак, если я не ошибаюсь в своих прогнозах, покорит всю Россию.

— Россия сама кого хочешь покорит, — уверенно возразила Зайга, подкрашивая губы.

— Не в прямом же смысле покорять... Сейчас перестройка и он за демократию. Хотя лично я не представляю, как демократы могут осилить всю эту партийную шатию.

— А черт их знает! У нас в аэропорту до сих пор секретарь парторганизации главнее начальника управления. Распоряжается, как у себя дома.

— И тобой? — съязвил Костя.

— Закидывал удочки... У него на стюардесс вечно зуб горит.

— Тут я его понимаю. У меня тоже, — он обнял Зайгу за плечи и прижался щекой к ее щеке.

Губная помада источала сладковатый аромат земляники.

ПОГОНЯ

Расфранченная публика тянулась в сторону кортов. Мелькнуло лицо киноактеров Олега Янковского и Николая Караченцова — в компании двух молодых женщин и усатого франта. Они стояли у касс и что-то оживленно обсуждали. У ворот знакомые, но уже не по экрану лица: ребята из ОВД, фотокоры, которые прозевали аккредитацию, а теперь уламывали контролеров пропустить на корты.

— Жди меня здесь, — приказал Эмерс Зайге, — сейчас принесу для тебя пропуск.

Он вытащил из нагрудного кармана сорочки аккредитационную карточку с белым шнурком и накинул его себе на шею.

На территории кортов фланировало сотни полторы курортной публики, специально понаехавшей на этот международный турнир. На дорожке, ведущей к пресс-центру, Костя заметил того, кто был нужен — Андриса, бессменного судью всех более или менее крупных соревнований. К нему и направился Эмерс.

— Привет, пресса! — улыбнулся Андрис. — Финал мой, сегодня сажу на вышке.

— Привет, Андрис! Жду от тебя прогноза.

— Как захочу, так и сыграют, — отшутился судья.

— Ну раз так, — улыбнулся Костя, — то одолжи, пожалуйста, свой пропуск.

На трибунах для прессы было полно. Родственники и друзья тренеров и судей, родственники и друзья каких-то московских шишек, друзья мальчишек, подающих мячи, друзья и знакомые работников кортов и просто блатная публика.

Эмерса окликнули, он обернулся и увидел корреспондента «Спортивного вестника». Он сидел с двумя другими журналистами из ТАСС. На пальцах он показал 10, что значило — ставит на каждый сет по червонцу. Эмерс согласно кивнул головой. Зайга нацепила складные солнечные очки. Теперь она смахивала на Бриджит Бордо в лучшие ее годы. Зайга вовсю вертела головой, явно пытаясь очаровать все двенадцать рядов, находящихся на трибуне для прессы. Эта ее привычка всегда раздражала Эмерса.

— Смотри, только шею себе не сломай, — сказал он.

— А ты карауль своего Ермака, — отпарировала Зайга. — И покажи, какой он из себя. Может, я его еще забракую...

— Смотри, чтобы он нас с тобой не

забраковал.

Костя окинул взглядом трибуны, но нигде Ермака не заметил.

Было без десяти три и Эмерс про себя решил: через пять минут отправится к березе, на randevу с Ермаком. Там никого еще не было и Эмерс закурил. Слева и справа от него маячили гэбисты и тоже покуривали с непринужденным видом. Косте была видна дорожка и угол офиса, из-за которого выглядывал оранжевый бок второго корта. Именно оттуда и началось неспешное движение Ермака. Его сопровождала молодежь вида блондинка в длинном, свободного покроя платье. На Ермаке — светлые брюки, кремовая сорочка с короткими рукавами. Непослушные волосы зачесаны на левую сторону. Лицо мясистое с несколько приплюснутым носом и подвижными бровями.

Эмерс увидел, как Ермак наклонился к своей спутнице и что-то сказал. Костя всем своим видом старался выказать, что сейчас он сам к ним обратится и заговорит.

Так он и сделал, шагнув навстречу.

— Если не ошибаюсь, — произнес он, — вы Тимофей Николаевич Ермак?

Великан удивленно поднял бровь и басисто ответил:

— Он самый... А кто вы? — Эмерс назвал.

— У вас, конечно, есть визитная карточка?

Этот вопрос несколько озадачил — визитка была, но старая, со старыми телефонами, переправленными от руки.

Ермак ждал. И не отводил буравящего взгляда.

Супруга его тоже пристально смотрела на Костю. И, видимо, поэтому рука дрогнула, он уронил на землю редакционное удостоверение, в котором скопилась порядочная стопка визитных карточек — они веером рассыпались у ног Ермака. Конфуз! Еще пребывая на корточках, Эмерс проговорил:

— Я бы хотел вас попросить об одном одолжении. Я не знаю, говорил ли вам обо мне... — в растерянности он никак не мог вспомнить имени помощника. — Словом, я хотел бы взять у вас интервью...

Ермак едва сдерживал улыбку.

— Вообще-то во время отпуска я стараюсь не работать, хотя все располагает здесь к размышлениям. Надо подумать, молодой человек...

— А может, Тим, тебе не надо связываться с прессой? — вмешалась в разговор спутница.

— Моя супруга имеет в виду интервью, которые я дал Си-би-эс и Би-би-си. Они вызвали настоящий переполох и меня вытащили на ковер в ЦК. Но еще раньше со мной беседовали наши издания, однако пока я нигде почему-то не видел

результатов этих бесед...

— К сожалению, гарантии я вам тоже не могу дать, — сказал Эмерс. — Я не редактор, однако, зная положение в газете... И не только в газете, в республике ситуация в целом благоприятствует...

— Сейчас действительно никто ничего гарантировать не может. — Но о чем мы с вами будем говорить? — отбросив сомнения, спросил Ермак.

— Наверное, о жизни.

— Значит, поговорим о жизни? Что ж, не возражаю. — И, подняв голову, стал отстраненно смотреть куда-то поверх головы Кости. — Сможете быть завтра в десять часов на КПП санатория «Балтийский янтарь»?

— Конечно, смогу! — с готовностью ответил Эмерс. Подошел один из тех аккуратных мальчиков, что в одиночку и группами рассредоточились по всей территории кортов. Он обратился к Эмерсу:

— Извините, вы не подскажете, кто сейчас будет играть? Корреспондент понял, в чем дело, и вместо ответа повернулся так, чтобы его аккредитационная карточка была на виду. Гэбист чиркнул любопытствующим взглядом и, удостоверившись, что в контакте с опальным Ермаком не «таймсы», а свой родненький и скромный «Курортник», тут же ретировался.

— Тогда можем считать, Константин Артурович, место встречи определено... Ну мы с Дарьей Осиповной пойдем посмотреть игру... — Он протянул журналисту руку. — Если же вас не захотят пропускать, я буду фланировать поблизости.

Эмерс направился в пресс-центр, праздничный и светлый после ремонта. Стрекотали машинки. Кто-то у пожилой, в парике, телефонистки заказывал Париж. Коллега из Москвы передавал по междугородному информацию. Эмерс обратил внимание, что он неправильно произносит фамилию голландского спортсмена, и успел подсказать.

Эмерс подошел к журнальному столику с креслами и телефоном и не утерпел — стал набирать номер. Зайга, присевшая на подлокотник, слышала, как он с кем-то говорил.

— Ты, наверное, уже знаешь, кто у нас находится на отдыхе? Не в курсе? Ну что ж, тем более тебе будет приятно услышать... Я только что говорил с ним... Думай, старик, думай. Понял? Отлично! Как ты смотришь на то, чтобы твоя газета первой в стране опубликовала с ним интервью? Нет, извини, стопроцентную гарантию дают только в морге, а это зависит еще и от третьего лица... Прекрасно, Алик! Завтра, около полудня позвоню. Нет, фотокора постараюсь взять своего...

Они вошли в буфет и заказали «пепси». Костю то и дело окликали коллеги, предлагая «чего-нибудь выпить». Он отказывался. Его увидел корреспондент «Спортивного вестника» и, лавируя между столиками, подошел к Эмерсу. Перед Костей легли три десятки — итог пари на исход матча.

— Представляешь, на сет-боле наш Быстров выронил из рук ракетку. Второго такого олуха поискать надо...

— Подожди, пожалуйста, меня здесь, я поговорю с Андрисом, — сказал Костя Зайге.

— Подожди, подожди... Я только и делаю, что жду тебя, а ты еще постоянно дуешься.

— Это для профилактики, чтобы знала свою взлетную полосу... Так, кажется, ваши говорят?

— Зануда, — Зайга демонстративно направилась в сторону лавочек.

Поговорив с рефери Андрисом об его впечатлениях о матче, Эмерс отправился на поиски главного тренера сборной. Тот в окружении журналистов шел к пресс-центру. Невозмутимый, развернув плечи, словно не проиграл престижный матч, а потерял в суматохе двадцать копеек.

Без встречи с главным «виновником торжества» Эмерс покинуть корты не мог и отправился в раздевалку.

Быстров сидел на низкой лавочке и расшнуровывал кроссовки. Костя по-свойски

поздоровался с ним за руку. Еще пять лет назад он несколько раз писал об игре этого талантливого теннисиста.

— Старик, — сказал Эмерс, — с твоей подачи я выиграл тридцатник. Если есть желание, можем сходить куда-нибудь посидеть.

— Желание есть, сил нет. Честно говоря, ухайдакался.

— Ладно, это мы еще решим, а сейчас скажи — кроме тебя некому было выигрывать этот матч?

— Отбирал игроков не я, а спорткомитет. Но играть, конечно, не надо бы. У меня ведь мандраж, нервы ни к черту...

— Что-нибудь со здоровьем?

— Это личное. Ленку помнишь?

— Еще бы!

— Месяц назад утонула в Каспийском море. Я главному тренеру говорил, что ставить меня нельзя. Сейчас я не игрок...

— А он что?

— Он все одно талдычит: мол, в игре отвлекусь, забудусь. Чего, разумеется, не произошло.

— Это сам Горищев настоял?

— Он.

— Тогда он молодчага. Это действительно лучший способ не сойти с рельсов. Я подожду тебя, потихоньку куда-нибудь свалим посидеть. Не

возражаешь?

— Я только быстренько приму душ.

К Зайге уже кто-то присоседился, однако на сей раз это его волновало меньше всего. Он думал о Быстрове и его красавице Ленке. Удачливом Быстрове, фаворите почти всех крупных соревнований последних лет. Неутомимом борце Быстрове. «Черт возьми, — думал Эмерс, — каждого из нас караулит за углом своя роковая минута».

— Хочешь «Филип моррис» — меня угостили? — обратилась к нему Зайга.

— Оставь себе на ночь.

— У меня целая пачка — хватит, еще и Нинке Петровне останется.

— Об этой сисястой твари забудь, — Костя смял пальцами сигарету и отправил щелчком в урну. — Заночуешь у моей сеструхи. Примешь ванну и отправишься на боковую. Поняла? А сейчас пойдем куда-нибудь посидеть.

— Я не одета, в таком виде в кабак не пустят.

— А кто сказал, что ты пойдешь сегодня в кабак?

— То есть?

— Возьмем у Игоря бутылочку и в дюнах посидим.

— А я танцевать хочу. Кто такой Игорь, почему я о нем ничего не знаю?

— Он не в твоём вкусе... Швейцар в «Изумруде». Что касается танцев... увы, сегодня не танцевальный день. С нами пойдет Быстров.

— Тогда я готова посидеть за пеньком, этот парень мне очень нравится.

— А ты лучше скажи, кто тебе не нравится?

Из раздевалки появился Быстров с полотенцем на шее.

— С легким паром, — сказал Эмерс. — Мы ждем тебя... Познакомься: Зайга, моя... — Костя запнулся, не зная, как представить.

— Кузина, — улыбнулся Быстров.

— Вот-вот — кузина... Ты готов?

— Пожалуй, я сегодня плохой компаньон, — он концом полотенца вытер выступившую на лбу испарину. — Может, отложим на выходной?

— А мы тут уже размечтались, как будем встречать заход солнца, — Зайга явно морочила Быстрову голову.

— Тогда ждите, — сдался теннисист, — переобуюсь только.

Проблем со спиртным не было. Стоящий в дверях ресторана Игорь Ройтс быстренько организовал две бутылки коньяка и несколько упакованных в целлофан бутербродов с ветчиной и миногой. В дюнах и впрямь было неплохо. Зайга снова расстелила на земле свою безразмерную торбу и моментально соорудила на ней «стол».

На Быстрове были светлые брюки и он долго не решался опускаться на грешную землю. Однако после первого тоста — разумеется, во славу «нашего безнадежного тенниса» — он пристроился на торчащем из земли корневище.

— В принципе, — сказал Эмерс, — сегодня для меня знаменательный день...

Его перебила Зайга:

— С каким человеком мы сегодня встретились, ай-яй-яй...

— Не лепечи, — оборвал ее Костя. И к Быстрову: — Что в Москве говорят о Ермаке?

— Его партноменклатура здорово кинула. А вообще этот мужик из наших. Я имею в виду спортсменов. Знаешь, как его звали в команде?

— То есть? — не понял Костя.

— В сборной по баскету... Колун — его прозвище. Мячи в корзину он буквально вколачивал, как топор в бревно. Незаменимый центровой, хотя, понятно, все это уже в далеком прошлом. И в политике он играет не на себя, а на команду. В Москве завертел такую карусель, что кое у кого поджилки затряслись. Будь на его месте кто-нибудь другой, одно мокрое место осталось бы.

— Так уж ничего и не осталось бы? — Эмерс явно провоцировал Быстрова.

— Ну не скажи... Сейчас не то время, чтобы закапывать и дубовый крест ставить. Я несколько

раз с ним играл в теннис и знаешь, что любопытно: стоит ему заметить, что играют с ним в поддавки, меняется в лице и ракетку об землю. Азарта и самолюбия на десятерых!

— А он и в самом деле может отличить ракетку от дуршлага? — продолжал гнуть свое Эмерс.

— Он не просто умеет играть в теннис, а еще и кандидат в мастера.

— Говорят, что своеволен до болезненности и властолюбив, — Костя потянулся к пачке с сигаретами.

— И я люблю власть, — вмешалась Зайга. — Что тут дурного? А ты, Котик, вообще деспот...

— Да, он — мужик властный, но нашей пиратской шхуне без крутого капитана не выплыть. Кругом море мерзости и крепкая рука нужна. Лично мне Ермак по душе.

— У нас хватало железных рук и кулаков, — Костя незаметно для самого себя заводился. — Возможно, ты прав — нужна крепкая рука, только желательно, чтобы управляла ею светлая голова.

— Он, конечно, не Эйнштейн, но слава о нем идет добрая. Во всяком случае мужик знает, чего хочет...

— Особого впечатления все же он не произвел. Возможно, правда, у меня сегодня плохое настроение благодаря вот этой... — Костя

подыскивал подходящее определение.

— Кузине, кузине, — снова подсказал Быстров. — Давайте за кузину и выпьем, по-моему, она этого вполне заслуживает.

— Ремня она заслуживает, — Эмерс шлепнул Зайгу по коленке.

Когда все уже было выпито, а солнце зашло за горизонт, компания снялась с насиженного места и пошла в сторону светящихся огней ресторана. Швейцар и сам был уже навеселе и потому шумно демонстрировал гостеприимство. Быстров, пока ходил в бар за сигаретами, «склеил» какую-то девицу — хорошенькую брюнеточку с белозубой улыбкой. Ярко накрашенные губы не портили ее лица, а пожалуй, даже придавали некоторую пикантность.

Эмерс подумал, что Быстрову, погрузившемуся в вечную круговерть турниров, очевидно, просто некогда будет обзавестись постоянной подругой.

Появился Ройтс и, потирая мясистые руки, оповестил, что в баре есть свободные места за большим столом. Костя отправился глянуть и вернулся разочарованный: там гуляла теплая компания пьяных сволочей из молодых да ранних.

— Есть предложение, — сказал он Быстрову, — возьмем бутылочку и пойдем к моей сестре Насте...

— Это далеко отсюда? — поинтересовался теннисист. — Мне ведь еще собраться предстоит — завтра рано утром в аэропорт...

— Почти рядом, на следующей остановке.

Быстров, придерживая под локоток свою новую знакомую, представил ее:

— Знакомьтесь... Екатерина... Катя.

Они пошли берегом. Женщины сняли туфли. Зайга дважды заходила в воду и, дурачась, шлепала по воде. Быстров, скинув с себя одежду, побежал в море и вскоре нырнул в воду. Эмерс кричал ему вдогонку:

— Женя, возвращайся! — он боялся за подвыпившего приятеля.

Зайга подбежала к Косте и принялась окатывать его водой. Вдалеке он заметил приближающийся свет фар и вскоре к ним подкатил милицейский «уазик», но не остановился, а лишь, затормозив, медленно проехал мимо. Прожектор высветил смеющееся лицо Зайги, а затем бесцеремонно обдал светом Костю и знакомую Быстрова.

Миновав узкую полосу сухого песка, они поднялись в дюны. Вскоре присоединился уже одетый Быстров. Он тяжело дышал и на ходу причесывался.

Дом Артема находился в каких-нибудь двухстах метров от моря. К нему вела уютная

аллейка из кустов кашки.

— Я сейчас... Могу предложить курицу и немного ветчины, — сказала несколько озадаченная Настя и отправилась на кухню.

В двух небольших комнатах царил музейный порядок. Артем, поправляя очки, поднялся из-за своего рабочего стола — он по обыкновению был в шлепанцах и в застиранной тельняшке.

Началась легкая суматоха, которая всегда предваряет застолье. Зайга пошла помогать Насте, а Екатерина, устроившись на краешке дивана, подкрашивала губы.

Зайга, отчего-то погрузневшая, помогала накрывать стол. В неярком свете ее лицо не казалось таким бархатистым и свежим, каким казалось днем, на кортах.

— Я сегодня — как колобок, — сказала знакомая Быстрова, — я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...

— Вы имеете в виду ваш побег из ресторана? — поинтересовался Эмерс.

— Все перепились, как... — она не находила слов. — Слава Богу, что это было всего лишь глупой случайностью.

— В каком смысле?

— Шапочное знакомство. Все мы только что приехали в пансионат, а я за столом оказалась единственной женщиной. Решили прописаться...

Внимание Кости что-то привлекло. То ли шорох в ночи, то ли нечто мелькнуло за окном. Он встал и опустил шторы. Однако какая-то смутная тревога легла на душу.

После второй рюмки Артем завел громкий, какой-то надрывный разговор на филологические темы. Ухватившись за латышское слово «рока» (рука), он доказывал, что латышский язык произошел от одной из ветвей санскрита, к которой принадлежат и все славянские языки. Он так разгорячился, будто все собравшиеся за столом его кровно обидели. А потом, без видимого перехода, перескочил на интересующий Костю предмет — заговорил как нарочно о Ермаке и всем, что с ним связано. Вино Артему явно было противопоказано. Костю болтовня шурина забавляла и вместе с тем выводила из себя.

— Ладно, дер швагер, хватит злоупотреблять положением хозяина дома, лучше отдай должное гостям, посмотри, кто у тебя, какие люди: чемпион страны, — Эмерс указал на Быстрова, — стюардесса европейского масштаба...

— Твоя Зайга, что ли? — пьяно улыбнулся Артем. — У нее сегодня какой-то смурной вид, словно не допила... А кто вы? — обратился он к Екатерине.

Та удивленно подняла бровки.

— Просто пьяная отдыхающая. Но приятно,

конечно, попасть в столь изысканную компанию.

— А вы откуда сами? — спросил ее Костя.

— Питерская. Можно сказать, музейная редкость.

— Это в каком же смысле?

— Служу в главном музее страны.

— В Эрмитаже, что ли? — Артем уже был готов развернуть тему «Музеи в нашей жизни», но его перебила Настя.

— А хотите, я мясной салат сооружу? Это пять минут...

— Салат потом, — зажегся Артем, — сейчас непременно выпьем за главную сокровищницу искусства и ее прелестную представительницу. И с пожеланиями... стоп, стоп, дайте договорить... И с пожеланиями, чтобы партийные сволочи, типа вашего Романова, не злоупотребляли народным достоянием в своих... в своих... — Артем задохнулся от негодования и, не закончив горячей тирады, принялся выуживать из банки маринованный гриб.

Быстров в разговоре не участвовал. Он перебирал поставленные в стопку пластинки. Это был ностальгический хлам, которым Артем дорожил и называл коллекцией.

— А как вы теперь попадете в свой дом отдыха? — спросила Настя Екатерину.

— Даже не знаю. Ничего не скажешь, весело

начала я свой отпуск, — она вновь улыбнулась, и Артем, не сводивший с нее умильного взгляда, подумал, что в помещении стало по-солнечному светло.

— Хотите, я вам погадаю? — Настя взяла ее чашку с остатками кофе и перевернула. Через минуту-другую она убрала чашку и стала изучать рисунок, оставленный кофейной гущей.

— Вас ждет что-то светлое, радостное. Вот видите эти лучи?

— А что ждет меня? — Зайга пододвинула к Насте свою чашку. Костя услышал, что у его подруги два весьма богатых и солидных поклонника. И один особенно опасен, ибо готов предложить руку и сердце.

Зайга даже зарделась и все время Настю перебивала.

— Это неправда, это все чепуха! Как раз сейчас у меня никого нет... До слез обидно, ни одного порядочного кавалера...

— Как же, Зайга, нет, если есть, — грозил ей пальцем совсем ослотивший Артем. — Такие пташки, как ты, в одиночестве не порхают...

— Ну, я не могу отвечать за всех... Может, кому-то я действительно нравлюсь.

— Все! — Эмерс резко поднялся с дивана. На щеках у него заходили желваки.

— Не будь придурком, — дернула его за

рукав Зайга. — Веришь во всякую чепуху...

— Это не чепуха, — Костя отдернул руку.

Быстров перестал изучать пластинки.

— Кажется, подзадержались, — и тоже поднялся с места. Встала и Екатерина — Костя отметил ее стройную фигурку.

— Вы в каком пансионате отдыхаете? — поинтересовался он.

— В «Березовой роще». Даже не знаю, как быть теперь, там очень строгие портье.

— А вы оставайтесь у нас, — предложила Настя. — Артема я заберу с собой, а вы располагайтесь на этом диване.

— Как-то неудобно, мы ведь почти незнакомы.

— Это не проблема, — вмешался Артем, — и у нас есть правило: на ночь глядя никого не отпускать.

— Очень хорошее правило и в соответствии с ним придется приютить еще одну грешную душу... Ты тоже сегодня переночуешь здесь, — обратился Эмерс к Зайге.

— А как же рейс?

— Плевать на твой рейс!

Костя позвал сестру и, когда они оказались на кухне, сказал:

— Пожалуйста, не отпускай Зайгу, я потом все объясню.

— Ладно, ладно, малыш, — ласково сказала Настя, взъерошив его шевелюру, — места полно. И ты тоже оставайся.

— Провожу только Жеку... Посажу в такси и вернусь. Быстров уже ждал у порога. К Эмерсу подошел шурин и, сняв очки, долго неотрывно смотрел на Костю. Его почему-то смутил этот упорный взгляд и захотелось уйти. Но Артем взял его за руку и почти трезвым голосом спросил:

— Как я понял, у тебя встреча с Ермаком?

— Возможно.

— Не темни, Кот, знаю я твои повадки. Но, между прочим, поступаешь правильно. Дело очень серьезное и болтать об этой встрече я не советую... Сегодня у власти Генсек, завтра может подняться из гроба Сталин и все начнется снова. Поверь, швагер, что там, где за политику сажают, жизни нет.

Эмерс особо не вникал в рассуждения Артема — хотелось подышать свежим воздухом. Однако он ответил:

— На этот счет никаких иллюзий я не питаю, но отказываться уже поздно. Да и чем я рискую? Такая смелость сейчас недорого стоит.

— Ошибаешься, родственничек, охота ощипать и сломать таких, как ты, орлов не исчезла. В слишком крупную игру втравили тебя — ни законов, ни этики там не существует.

— Я знаю и на рожон постараюсь не лезть.
Костя вернулся в комнату и подошел к Зайге.

— Сегодня заночуешь здесь, завтра пойдем искать тебе жилье. У Зайги глаза стали как блюдца.

— А как же моя работа?

— Подашь заявление. Хватит болтаться по белу свету.

— Не значит ли это, что ты делаешь мне официальное предложение?

— Это значит другое: отныне о Нинке Петровне забудь. Работу подыщем. И вообще, переходишь под мой протекторат.

— А что это такое?

— Не хитри, Зайга, иди стели постель, а я провожу Жеку и вернусь.

Они вышли на улицу и направились в сторону вокзала. Однако не успели дойти до поворота, как из двора соседей Силиней появилось двое в форме и быстрым шагом направились в их сторону. Милиция... Сначала Костя не придал этому значения, но когда один из подошедших, отдав честь, попросил у них документы, он насторожился.

— Разве в городе объявлен комендантский час? — хотел он свести все к шутке.

— Предъявите документы! — твердо сказал тот, что отдавал честь.

— Не вижу оснований, — и Костя хотел двинуться дальше, но второй милиционер

преградил дорогу.

— А если я выскажу такую гениальную мысль, что вы нас с кем-то спутали? — спросил Костя.

— Вы зря, гражданин, заводитесь. Дело в том, что совершен угон государственной машины и в связи с этим мы вправе проверить документы. Ко всему прочему вы пьяны.

Это возмутило Эмерса.

— Тогда покажите, кто трезвее нас. Слышь, Жека, мы, оказывается, с тобой пьяны!

— Да, пьяны и потому мы обязаны вас доставить в отдел. Костя полез в карман и вытащил редакционное удостоверение.

— А вы хоть знаете, что это за человек? — он кивнул в сторону Быстрова.

— Вот там и разберемся, — милиционер подошел ближе к фонарному столбу и открыл удостоверение Кости.

— Тем более, — сказал блюститель порядка, — не следует по пьяной лавочке ночью бродить по улицам. Изобьют, ограбят, а милиция отвечай.

— Вы, наверное, ребята, охренели!? — возмутился Костя. — Кто здесь меня может ограбить? Мы вот с этим парнем... кстати, он чемпион СССР по теннису, отмечали встречу и ничего дурного в этом не вижу.

— Чемпион пусть идет своей дорогой, а вы отправитесь с нами, потому что хамите и в стельку пьяны.

— Ладно, Жека, топай на вокзал и бери мотор. Эти гаврики, чувствую, от меня просто так не отвяжутся.

— Оскорбляете, — бросил один из милиционеров.

— Кот, я пойду с тобой, — сказал Быстров, но твердости в его голосе Эмерс не услышал.

— Идите, если хотите вместе с ним побывать в медвытрезвителе, — посулил теннисисту второй служака.

— Завтра из Москвы позвоню, — и Быстров, почти бегом, направился в сторону вокзала.

— Пойдемте, — Эмерс сделал несколько шагов от фонаря.

— Не спешите, — услышал он вдруг голос, который до сих пор не участвовал в разговоре. Из кустов жасмина вышли еще двое в форме, с автоматами и с резиновыми дубинками на боку.

— В чем дело, ребята? — Эмерс ничего не мог понять.

— Сейчас все объясним, — и тот, что обращался к нему, поднес к губам микрорацию и начал в нее говорить. Буквально через несколько мгновений откуда-то из темного провала кустов вынырнула черная «волга», из которой выскочили

еще двое в гражданском. Костя и глазом не успел моргнуть, как его подхватили чьи-то цепкие руки и поволокли к машине. Он понял всю безвыходность своего положения. И тут только прозрел: это абсурдное задержание он связал с предстоящей встречей с Ермаком. И это возмутило до глубины души. Он что есть мочи закричал: «Меня, журналиста Эмерса, хотят похитить люди в милицейской форме... Я журналист Эмерс, черная «волга»... Он рассчитывал, что кто-то вдруг услышит и предаст гласности этот вопиющий произвол. Сзади его чем-то саданули, но сознание не отключили. Несколько торопливых рук пытались укротить Эмерса и сунуть головой вперед на заднее сиденье. Но, видимо, шум, поднятый Костей, заставил действовать поспешно и нерасчетливо. Когда Костю, словно мешок с картошкой, засовывали в салон машины, его руки уже рыскали в поисках кнопки, фиксирующей замок дверцы. И, к счастью, он ее нащупал и отжал. А когда его швырнули на жесткое, покрытое пледом сиденье, он тут же изо всех сил боднул противоположную дверцу и по-змеиному выскользнул из машины. Она была припаркована к густому кустарнику, и Эмерс, не разгибаясь, упал в росистую траву и на четвереньках прополз эти спасительные метр-другой. Перед ним белели ставни частной дачи, и он рванул по-спринтерски в ее сторону —

скорее за угол, во мрак.

Сзади раздалась страшная матерщина и грубый окрик: «Стой, сука, стреляю!»

И верно, через какое-то мгновение в ночи раздалось два выстрела и топот. Погоня! Однако он имел солидную фору: за сорок лет жизни в этом городе Костя знал здесь каждую тропинку. С ходу он перемахнул забор пионерлагеря, едва не споткнувшись об оставленные на ночь шезлонги. Затем вбежал во двор магазина и уже тут почувствовал сильную загрудинную боль. Он остановился посреди двора, и предательская тень от него, прочертив пространство, ушла ввысь. Преодолевая боль и слабость в ногах, Эмерс стал озираться в поисках места, где бы укрыться от преследователей. И вновь отчетливо услышал топот ног. Эмерс решил остаться на месте — все равно силы иссякли. Подошел к старой липе и, ухватившись за свисающий сук, взобрался на дерево. И только успел убраться со света, как во двор вбежали те, от кого он уносил ноги. После бега речь их была невнятной, но Костя несколько фраз все же расслышал:

— Этот сука водила дверь не закрыл...

Эмерсу хотелось поправить говорившего — мол, водитель тут не при чем...

— Да не суетись, никуда он не денется. Все равно нарвется или на Алиева или на Королева.